

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

М. И. БАЦЕР

ДВЕ АНГЛИЙСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Корректируя установившиеся еще в советской историографии представления о событиях истории Англии XVII в., автор выдвигает на первый план демократическое движение левеллеров, негативно оценивает деятельность Кромвеля в 1649–1658 гг., восстанавливает в целом положительную оценку реставрации Стюартов в 1660 г., считает необходимым полный пересмотр отношения к Славной революции – великому событию мировой истории.

Ключевые слова: революция, монархия, либерализм, историография.

В 1924 г. в Петрограде вышла из печати книга выдающегося специалиста по всеобщей истории Н. И. Кареева «Две английские революции»¹. Любой из наших образованных современников, не обучавшихся на историческом факультете, узнав об этом, непременно удивится: «Почему две?» В самом деле, о кромвелевской революции, сопровождавшейся казнью короля Карла I, слышали все. О так называемой «Славной революции» 1688–1689 гг. – только исторически образованные люди. Это не так уж удивительно. Советские историки в течение ряда десятилетий предпочитали писать, в том числе в учебниках, о «государственном перевороте 1688 г.». Между тем, англичане на протяжении всего XVIII в. именно эти события называли революцией, а кромвелевское двадцатилетие 1640–1660 гг. – исключительно «великим мятежом». Учитель советских историков К. Маркс видел особую заслугу Т. Карлейля в том, что он снял Кромвеля с виселицы английского общественного мнения. (Речь шла о пятитомном издании «Письма и речи Оливера Кромвеля», вышедшем в 1845 г. под редакцией Карлейля). Отрицательная оценка Кромвеля не была чисто английским феноменом. Робеспьеру приходилось отбиваться от обвинений в стремлении стать французским Кромвелем. Эдмунд Бёрк, предсказывая в 1790 г. террор и военную диктатуру в качестве результата развития французской революции, уподоблял ее не «Славной революции» 1688 г., а «великому мятежу» 1640 г.

Обратимся к учителю Карла Маркса в области интерпретации исторического процесса, выдающемуся французскому историку Франсуа

¹ Кареев. 1924.

Гизо. В 1850 г. он писал: «Революция в Англии удалась, и удалась два раза. Ее зачинщики основали в Англии конституционную монархию; ее потомки основали в Америке Республику Соединенных Штатов»². Хорошо известно, что первая английская революция в 1660 г. завершилась реставрацией Стюартов. Англия «много перенесла, она долго крепилась, чтоб избежать новой революции, и отдалась ей только при последней крайности, когда уже не видела перед собой никакого другого средства спасти свою веру, свои права, свою честь. В том-то и состоит слава революции 1688 г., что она была действием чистой обороны, и обороны вынужденной: в этом первая причина ее успеха»³. Певцом «Славной революции» в XIX в. выступил выдающийся английский либеральный историк Т. Маколей, посвятивший ей многотомный труд «История Англии от воцарения Якова II». Маркс в «Капитале» писал: «Маколей фальсифицировал английскую историю в интересах вигов и буржуазии»⁴. Что на это можно ответить? Маколей не фальсифицировал историю. Он писал, интерпретируя историю в интересах либералов и буржуазии, а буржуазию до Парижской Коммуны 1871 г. даже советские историки оценивали как относительно прогрессивный класс, Маколей же умер в 1859 г. При внимательном анализе проблемы фальсификаторами истории предстают не Маколей и Гизо, апологеты Славной революции, а те историки, которые выступали как ее очернители.

Изложим кратко событийную сторону английской истории конца XVII в. Завершающий период эпохи реставрации (1682–1688 гг.) прогрессивный английский историк Джон Ричард Грин называет «второй тиранией Стюартов»⁵ (предшествующая была связана с беспарламентским правлением Карла I, ставшим своего рода «спусковым механизмом», приведшим к началу кромвелевской революции). Карл II и его преемник католик Яков II (1685–1688) стремились в эти годы полностью восстановить в Англии абсолютизм и католицизм, подчинить ее политике диктату могущественного соседа Людовика XIV, претендовавшего на всеевропейскую гегемонию. Главным противником Людовика XIV являлся голландский штатгальтер (пожизненный президент) Вильгельм III Оранский, женатый на дочери Якова II Марии. «У Якова не было сыновей, и брак с Марией во всяком случае обеспечивал Вильгельму по

² Гизо. 1996. С. 30.

³ Там же. С. 107.

⁴ Маркс, Энгельс. 1960. С. 283 (прим. 120).

⁵ Грин. 1900. С. 143.

смерти его тестя содействие Англии в его великом предприятии»⁶ (борьбе с Людовиком XIV). Но в 1688 г. возникла страшная угроза увековечения тирании Стюартов – у Якова II родился сын, наследник престола. «За известием о рождении принца Уэльского последовало дней через десять прямое предложение Вильгельму – вмешаться с оружием ради восстановления свободы Англии и защиты протестантской веры. Приглашение это было подписано представителями главных партий, теперь объединенных общей опасностью»⁷. О дальнейшем в учебной книге по новой истории, написанной виднейшими советскими специалистами в этой области и адресованной студентам исторических факультетов, говорится следующее: «Когда Вильгельм Оранский прибыл в Англию с экспедиционным корпусом, Яков, покинутый своими приверженцами, беспрепятственно отправился на корабле во Францию. Парламент в 1689 г. объявил его “отрекшимся” и передал “вакантный” престол Вильгельму Оранскому – королю Вильгельму III. Это событие буржуазные историки называли “славной”, или “бескровной”, революцией, которую они противопоставляли “кровавому мятежу” 40-х гг. В действительности это был дворцовый переворот, в котором нашел свое выражение компромисс между крупными землевладельцами и буржуазией»⁸. Так великое событие в истории Англии, Европы и мира унизили не только до государственного, но даже до «дворцового переворота».

Великолепно ответил таким критикам Франсуа Гизо (более 150 лет назад): «Часто говорилось во Франции, и даже в Англии, что революция 1688 г. была делом в сущности аристократическим, ненародным, совершившимся по соображениям высших сословий и в их пользу, а не вследствие побуждения целой нации и для ее блага. Замечательный и нередкий пример запутанности мыслей и забвения фактов, которыми так часто руководствуются при оценке великих событий! Революция 1688 г. сделала в области политики два самых популярных дела, какие только знает история. С одной стороны, она провозгласила и обеспечила личные и всеобщие права простых граждан, с другой – деятельное и решительное участие народа в своем правлении <...> С нравственной стороны революция 1688 г. имела еще более популярный характер: она была совершена во имя религиозных убеждений народа и их силою совершена для их обеспечения и господства. Никогда, ни в одной стране вера масс не оказывала такого влияния на судьбу их правления. Народная по принципам

⁶ Там же. С. 166.

⁷ Там же. С. 169.

⁸ Новая история (первый период). С. 64.

и результатам революция 1688 г. была аристократической по исполнению; она была зачата, приготовлена и приведена к концу людьми знатными, верными представителями интересов и чувствований нации... Дело английского народа восторжествовало чрез английскую аристократию – вот в чем заключался и великий характер революции 1688 г., вот где был с первых шагов ее залог ее будущности»⁹.

Советские историки, как правило, руководствовались не результатами собственного применения метода исторического материализма, а конкретными высказываниями Маркса и Энгельса, не всегда находившимися на уровне достижений исторической науки даже их времени. На наш взгляд, исторический материализм как раз требует высочайшей оценки характера и результатов Славной революции. К сожалению, Маркс и Энгельс перевели на социально-экономический диалект уничтожающие оценки памфлета Огюстена Тьерри «О революции 1688 г.», относящегося еще к 1819 г. Как известно, такие французские интеллектуалы, как Стендаль и Мишле, ненавидели английские порядки, о чем писали и много позже 1819 г. Славная революция означала победу либерального буржуазно-аристократического строя при верховенстве парламента и закона (смотри хотя бы «Билль о правах» 1689 г.), а также победу национальной и патриотической английской внешней политики над притязаниями Людовика XIV и вообще феодально-католической и абсолютистской Франции и ее английских ставленников (особенно в войне за испанское наследство, где герцог Мальборо выступал в качестве полномочного представителя Вильгельма Оранского и Славной революции, торжество которой во многом обеспечил переходом на сторону Вильгельма).

Если резюмировать не очень многочисленные высказывания Маркса и Энгельса на эту тему, получится, что Славная революция была «незначительным эпизодом», поставившим у власти «наживал из землевладельцев и капиталистов»¹⁰. Хотя однажды Маркс обронил что в случае победы Якова II 70% английской земельной собственности сменило бы своих хозяев. О масштабах возможного католико-абсолютистского террора говорят хотя бы «кровавые ассизы» Джеффриса при Якове II после неудачной попытки Монмута. В ходе Славной революции Джеффрис был справедливо арестован. Как можно называть «незначительным эпизодом» победу дела Долгого парламента 1640 г., означавшую полную перемену в европейских делах, а не только в английском социально-политическом строе? А где знаменитый марксистско-ленинский прин-

⁹ Гизо. 1996. С. 108–109.

¹⁰ Маркс, Энгельс. 1960. С. 735.

цип историзма? Или к власти мог прийти рабочий класс? И это за столет до начала формирования еще чрезвычайно незрелого промышленного пролетариата? Или к власти должно было прийти экспроприруемое крестьянство? Но это – не меньший абсурд, причем именно с марксистской точки зрения. К сожалению, даже крупный историк Е. А. Косминский добавляет от себя: Маркс и Энгельс «развенчали ту жалкую “революцию”, которую буржуазные историки и политики не уставали прославлять как “великую”, “славную” и “бескровную” – переворот 1688 г.»¹¹ Академик не учитывает, что значительно раньше эту революцию «развенчал» другой учитель Маркса в области исторической науки (наряду с Гизо) – Огюстен Тьерри, который придал своей критике Славной революции актуальное политическое звучание: «Теперь вошло в моду расхваливать английскую революцию 1688 г. и желать появления людей вроде Вильгельма III для блага народов и для отмщения за них. В этом восхищении и в этом пожелании, сколь бы патриотическими их ни называли, кроется невежество и малодушие»¹². К сожалению, в этих грехах можно обвинить самого Тьерри (поскольку речь идет об анализируемой статье). Взять хотя бы следующее его заявление: «Дело, восторжествовавшее в эту революцию... отнюдь не было великим делом 1640 г., делом Хемпдена, делом прав человеческих»¹³. Однако известный советский историк В. Ф. Семёнов справедливо писал: «В результате переворота 1688 г. в Англии был окончательно устранен абсолютизм и установлена конституционная, ограниченная парламентом монархия. Разумеется, это стало возможным лишь благодаря тому сокрушительному удару, который был нанесен абсолютизму революцией 40–50-х гг.»¹⁴. То есть речь идет именно о завершении «великого дела 1640 г.». Тьерри продолжает: «Но Сидней, верный хранитель старой тайны 1640 г., поднимая восстание, делал нечто совершенно иное. И хотя общий приговор объединил его со сторонниками этого нового дела и хотя один и тот же топор отрубил голову ему и им, все же его преступление отлично от их преступления: Сидней был повинен в борьбе с деспотизмом, они – только в борьбе с деспотом»¹⁵. Это заявление противоречит элементарным фактам. После 1688 г. в Англии стало невозможным появление новых деспотов. Для обоснования низложения Якова II была использована самая

¹¹ Английская буржуазная революция XVII века. С. 230.

¹² Тьерри. 1937. С. 306.

¹³ Там же. С. 307.

¹⁴ Английская буржуазная революция... С. 161.

¹⁵ Тьерри. 1937. С. 307.

передовая политическая теория XVII в. – теория о договоре между королем и народом, разорванным Яковом Стюартом, договоре, на основе которого был возведен на престол Вильгельм Оранский. Вопреки элементарным фактам Тьерри продолжает: «...ссылаются на билль о правах, на это жалкое собрание нескольких принципов, предоставленных без всякой гарантии на произвол власти, на эту пустую бесплодную прокламацию, которая ложно именуется договором и которую власть успела уже безнаказанно разорвать в клочья»¹⁶. Даже В. Ф. Семенов вынужден признать: «Билль о правах 1689 г. при всей его незаконченности и консервативности все же надевал крепкую узду на нового коронованного правителя. <...> При безличных преемниках Вильгельма – королеве Анне и первых Ганноверах – королевская власть окончательно стусеивалась, уступив место парламентскому всевластию. Но это развитие парламентской системы первых десятилетий XVIII в. логически вытекало из событий и законодательства 1688–1689 гг.»¹⁷ Особо важной гарантией торжества парламентской системы стал «Билль о престолонаследии» 1701 г., который «отрезал Стюартам возможность возврата на английский престол <...> он объявлял наследницей престола дочь Якова II Анну, а после ее смерти (в случае ее бездетности) – представителей Ганноверской династии – потомков внучки Якова I. Право назначать и смещать судей перешло к парламенту. Устанавливалось, что действительны лишь те акты, которые подписаны кроме короля одним из министров (внесшим билль на рассмотрение парламента). Вводился принцип ответственности министров перед парламентом. Таким образом, было установлено фактическое верховенство парламента в важнейших вопросах государственной политики»¹⁸. Так факты опровергают тезисы о «жалкой революции» и «незначительном эпизоде».

Выдающийся историк и политик Франсуа Гизо в конце 1820-х гг. мудро резюмировал события конца XVII – начала XVIII в.: «Я говорил уже о великой борьбе, возгоревшейся в Европе между абсолютною монархией Людовика XIV, стремившейся к обладанию всем миром, и делом гражданской и духовной свободы, политической независимости, – делом, воплощенным в лице принца Оранского, Вильгельма III. Мы видели, что преобладающий факт европейской истории того времени – это принадлежность каждого государства к одной из этих двух великих партий. Но для современников этот факт не был так ясен, каким он пред-

¹⁶ Там же. С. 308.

¹⁷ Английская буржуазная революция XVII века. С. 161.

¹⁸ Новая история (первый период). С. 65.

ставляется нам теперь... Ограничение системы абсолютной монархии и утверждение принципа гражданской и религиозной свободы – таков, в сущности, был необходимый результат сопротивления Голландии и ее союзников Людовику XIV; но спорный вопрос между абсолютной властью и свободой не был поставлен так открыто»¹⁹.

Мне уже приходилось писать о недостаточном учете субъективного фактора в системе исторического материализма. В. Ф. Семёнов охарактеризовал Вильгельма Оранского очень коротко: осторожный и изворотливый политик и дипломат. Остальные советские историки вообще не рассматривали этот вопрос. К. Н. Татарина, игнорируя специфику исторического процесса, делает такой вывод: «Переворот 1688 г., являющийся следствием незавершенности английской буржуазной революции, облегчал буржуазии возможность быстрее обогатиться за счет эксплуатации трудящегося населения самой Англии и ее колоний. Именно эта сторона переворота 1688 г., а не конституционные изменения, им произведенные, и является наиболее важной»²⁰. С нашей точки зрения, эти две фразы – яркое проявление метода вульгарной социологии, столь решительно отвергаемого на словах советскими историками. Напротив, Томас Бабингтон Маколей дает более подробную характеристику Вильгельма Оранского, подчеркивая, что «природа щедро одарила Вильгельма качествами великого правителя; а воспитание развило эти качества в необыкновенной степени»²¹.

В конце XVII – начале XVIII в. политический прогресс воплотился в двух знаменитых исторических фигурах. Западная Европа выдвинула Вильгельма III Оранского, штатгальтера Голландии и короля Англии, Восточная Европа – Петра I Великого, в недалеком будущем основателя Российской империи. Молодой Пётр находился под безусловным влиянием романтического исторического облика лидера Славной революции и борца с гегемонией Людовика XIV. В недавно переизданной после столетнего перерыва «Истории Петра Великого» А. Г. Брикнер отмечает: «С усиленным вниманием Пётр следил за событиями в Западной Европе; особенно он восхищался успехами английского короля Вильгельма III; однажды он выразил даже желание участвовать в военных действиях Англии против Франции под руководством самого короля. Когда летом 1692 г. англичане на море одержали победу над французами, Пётр, находившийся в то время на Переяславском озере, праздновал это событие

¹⁹ Гизо. 1892. С. 252.

²⁰ Татарина. 1958. С. 222.

²¹ Маколей. 1863. С. 1–2.

залпом из пушек новопостроенных судов»²². Прибыв с Великим посольством в Англию, Пётр посетил английский парламент. После этого он сказал: «Весело слушать, когда подданные открыто говорят своему государю правду; вот чему надо учиться у англичан». Советский историк Н. Н. Молчанов комментирует: «Если эти слова и действительно были сказаны, то они не противоречили склонностям самого Петра»²³.

Малоизвестная у нас Славная революция все-таки вошла в массовое историческое сознание любителей приключенческих романов. Знаменитый пират в финале романа Р. Сабатини «Одиссея капитана Блада» становится губернатором Ямайки вместо своего врага и преследователя Бишопа. Этим он обязан исключительно Славной революции. К сожалению, авторы экранизации романа полностью переделали его финал: они заставляют Блада заявить: «Опять толстосумы у власти!» и снова пойти в пираты. Всякий образованный человек, читавший роман, может разоблачить эту наглую фальсификацию. Но что в таком случае сказать о Тьерри, имеющем заслуженный авторитет выдающегося историка? Прочитируем фрагмент из статьи Тьерри, содержащий поразительную по нелепости и полной бездоказательности фальсификацию реального значения событий: «Впоследствии правительство с наглым упорством сохраняло закон Стюартов, устанавливающий цензуру для книг и рабский режим для типографий. Оно сохраняло этот закон как раз до 1695 г., до того срока, который был установлен недвусмысленной мудростью Карла II и когда для продления его действия нужно было издать его снова»²⁴. Именно отмена цензуры давно признается всеми цивилизованными людьми одной из главных заслуг Славной революции. В вопиющем противоречии с реальной логикой исторического процесса находится следующее высказывание Тьерри: «Кроме того, независимые доходы, постоянная армия, раболепство парламента, все, о чем они (Стюарты – М. Б.) могли только мечтать, все это осуществилось при Георгах»²⁵. Но каждому студенту-историку ныне должно быть известно, что власть первых Георгов была чисто формальной по сравнению с пол-

²² Брикнер. 2004. С. 137–138. Увлечение личностью и деятельностью английского короля было у Петра достаточно глубоким. А. Г. Брикнер продолжает: «В 1692–1693 гг. Пётр велел построить для Лефорта великолепный дом, роскошно меблированный: здесь происходили самые веселые попойки... Во время таких торжеств беседовали о государственных делах на западе, пивали за здоровье короля английского, Вильгельма III». Там же. С. 142.

²³ Молчанов. 1991. С. 100.

²⁴ Тьерри. 1837. С. 308.

²⁵ Там же. С. 309.

ным верховенством парламента. Именно реалии ганноверского периода дали возможность Джорджу Маколею Тревельяну сделать следующее компаративистское резюме: «Реформа должна была стать особым вкладом XIX в. Особым вкладом более раннего ганноверского периода было установление правления закона; а этот закон, со всеми его тяжелыми ошибками, был все-таки законом свободы. На этом прочном основании были построены все наши последующие реформы. Если бы XVIII в. не установил закона свободы, то XIX в. в Англии прошел бы в революционных насилиях вместо парламентских изменений закона»²⁶.

Блестящее сопоставление революций в Англии и на континенте было проведено еще Маколеем вскоре после событий 1848–1849 гг. Истина, как известно, познается в сравнении: «Теперь, более чем когда-нибудь, должны мы оценить всю важность противодействия, оказанного нашими предками дому Стюартов. Повсюду вокруг нас мир взволнован судорожными движениями великих наций. Правительства, еще недавно казавшиеся способными просуществовать целые века, внезапно потрясены и низвергнуты. Самые гордые столицы Западной Европы облились ручьями междоусобно пролитой крови. Все дурные страсти, жажда корысти и жажда мести, ненависть класса к классу, ненависть племени к племени, сбросили с себя узду божеских и человеческих законов. Между тем на нашем острове обычный ход управления не прерывался ни на один день. Немногие дурные люди, жаждавшие буйства и грабежа, не отважились ни на минуту противостать силе верноподданной нации, соединившейся в непоколебимый оплот вокруг отеческого престола. И если бы нас спросили, почему мы так отличаемся от других, ответ наш состоял бы в том, что мы никогда не теряли того, что другие безумно и слепо пытаются вновь приобрести. Оттого, что у нас была охранительная революция в XVII, у нас не было разрушительной революции в XIX столетии. Оттого, что у нас была свобода посреди общего рабства, у нас теперь порядок посреди общей анархии. За святость закона, за безопасность собственности, за спокойствие наших улиц, за счастье наших семей, мы обязаны благодарностью после Того, Кто по произволу возвышает и низвергает народы, Долгому парламенту, Конвенту и Вильгельму Оранскому»²⁷. Разумеется, у Маколея речь идет не о французском Конвенте 1792 г., а об английском Конвенте 1689 г., отреставрировавшем Якова II и утвердившем на троне Вильгельма и Марию.

²⁶ Тревельян. 1959. С. 367.

²⁷ Маколей. 1863. С. 494–495.

После кончины Вильгельма в 1702 г. герцог Мальборо стал его фактическим преемником во главе английской армии, а также всей антифранцузской коалиции в войне за испанское наследство, но после ряда его блестящих побед над войсками Людовика XIV неожиданно разразился кризис. Предоставим слово Дж. Р. Грину: «Внезапно над вигами разразилась буря народного негодования. Повод к ней подала скучная и неуместная проповедь англиканского священника, д-ра Сэчвереля, защищавшего в храме св. Павла учение о безусловном повиновении. Его смелость вызвала преследование, и вопреки советам Мальборо и Сомерса вигские министры решили обвинить его перед палатой лордов. Процесс сразу получил характер крупного столкновения партий. Народ проявил горячее участие к Сэчверелю, и это показало, какую ненависть возбудили против себя виги и война. <...> Пэры незначительным большинством признали проповедника виновным, но наложенное ими мягкое наказание в сущности было оправданием, и праздничные огни и иллюминации приветствовали по всей стране это торжество тори»²⁸. Кризис был успешно преодолен при первых ганноверцах установлением прочного всевластия вигов, и «раньше окончания их долгого управления англичане забыли и думать о возможности преследования за различие мнений, или подавления свободы печати, или воздействия на отправление правосудия, или управления без содействия парламента»²⁹.

Механика подобных перемен была вскрыта Маколеем: «Сколько раз, со времени Революции 1688 г., казалось, что англичанам решительно надоело новое правительство, и сколько раз положение вещей совершенно изменялось открытием якобинского заговора или приближением французского флота. Каждый раз от этого мгновенно прекращался ропот, роптавшие шли толпами подписывать верноподданнические адреса тому, кого прежде звали похитителем престола, составляли ассоциации на поддержание его власти и брались за оружие, чтобы командовать милициею, с криком: “умрем за короля Вильгельма!” То же и теперь. Почти все те, которые находили приятность себе делать на зло ему по вопросу о его голландской гвардии, о его ирландских пожалованиях, придут в страшное раздражение, когда услышат, что Людовик, в прямое нарушение договора, хочет навязать Англии короля его веры, короля,

²⁸ Грин. 1900. С. 223. О. Тьерри не мог не отреагировать с большим удовлетворением на эти события: «...не прошло и 20 лет после революции 1688 г., как английский народ уже проклинал ее и кричал: “Долой вигов!”», так же как он раньше кричал: “Долой Стюартов!”». Тьерри. 1837. С. 309.

²⁹ Грин. 1900. С. 231.

воспитанного в его владениях, короля, который будет в Вестминстере тем же, чем Филипп в Мадриде, – вассалом Франции»³⁰.

Подобный поворот произошел при вступлении на престол Георгов. Как пишет Д. Р. Грин, «вскоре Англией стал управлять не король, а вигские министры короны. Вигам нечего было также опасаться сильного сопротивления со стороны их политических противников. “Торийская партия”, писал Болингброк после смерти Анны, “исчезла”. И точно, в первой палате общин, созданной новым королем, тори едва насчитывали 50 членов; в то же время роковое разделение ослабило их силы во всей стране. Более горячие из них в отчаянии перешли на сторону претендента. Лорд Оксфорд был обвинен и заключен в Тауэр; Болингброк и герцог Ормонд бежали из Англии и поступили на службу к сыну короля Якова»³¹. Широкий зритель знает о Мальборо и Болингброке по превосходному телефильму «Стакан воды», в основе которого известная пьеса Скриба, относящаяся к 1840 г., когда многие французские интеллектуалы были еще врагами Англии. Здесь все поставлено с ног на голову. Герцог Мальборо – слава Англии – показан сугубо отрицательным героем, а Болингброк – государственный изменник – сугубо положительным. Такое же отношение к ним было свойственно гениальному Свифту, в политике якобиту, что и позволило Джорджу Оруэллу говорить о «квислингизме Свифта» (Квислинг – предатель норвежского народа, перешедший на сторону Гитлера). Невозможно отрицать, что самым реакционным английским королем был именно Яков II, свергнутый Славной революцией. Славная революция была альтернативой не только абсолютизму Стюартов, но и военной диктатуре Кромвеля.

Английская революция 1640–1660 гг. представляет собой картину динамического взаимодействия тех социально-политических сил, которые во французской революции последовательно сменяли одна другую на исторической сцене. Эти силы – легитимизм, радикализм и цезаризм. Временная победа цезаризма Кромвеля как над легитимизмом Карла I, так и над радикализмом Лильберна не случайно объединила левеллеров Уайльдмана с роялистами Карла II. Этот кажущийся кое-кому противостественным союз предвещал торжественного соглашения легитимизма и радикализма – Славную революцию, заложившую фундамент буржуазной демократии в Англии. В некотором смысле можно утверждать, что без Лильберна не было бы Вильгельма III. Участие Уайльдмана в деятельности «клуба зеленой ленты», положившего начало формирова-

³⁰ *Маколей*. 1865. С. 252.

³¹ *Грин*. 1900. С. 229.

нию партии вигов, было закономерным. Вильгельм III назначил дожившего до Славной революции Уайльдмана главным почтмейстером королевства. По сути это разведывательная должность, предусматривающая контроль за всей перепиской.

Краеугольными камнями большевистской политологии были, как известно, апология диктатуры пролетариата и обличение либеральной демократии. История демократических движений в первой английской революции десятилетиями укладывалась на страницах трудов советских историков в прокрустово ложе этой политологии. Именно она стала основой традиционной недооценки исторической роли левеллеров и завышенной оценки движения диггеров. Главным смыслом деятельности левеллеров была борьба против олигархически-диктаторской линии развития революции. Идеолог казарменного коммунизма Д. Уинстенли все надежды возлагал на Кромвеля. Знаменитый памфлет Джона Лильберна, ставший ответом на приход к власти кромвелианцев, назывался «Разоблачение новых цепей Англии». Контраст очевиден. Майское и сентябрьское восстания 1649 г. против режима кромвелевской республики – несомненный факт. Ими руководили левеллеры. Восстания были подавлены Кромвелем, но левеллеры продолжали борьбу. Со временем она приняла крайние формы. С обоснованием индивидуального террора против военного диктатора и воплощения деспотизма, лорда-протектора Оливера Кромвеля выступил видный левеллер Эдуард Сексби. Отрывки из памфлета Сексби «Умерщвление не убийство» опубликованы в книге А. Е. Кудрявцева «Великая английская революция». Обращаясь к левеллерам, Сексби писал в 1657 г.: «До сих пор я говорил, обращаясь ко всем англичанам, теперь я обращаю свою речь к тем, которые, конечно, лучше заслужили это имя – к нам самим, сражавшимся, хотя и неудачно, за нашу свободу, под начальством этого тирана, проливавшим нашу кровь и в результате ничего не получившим, одураченным его клятвами и слезами. Право предать этого изверга правосудию принадлежит в особенности нам, которых он делал орудием и соучастником своих злодейств, за которые все хорошие люди воздают ему проклятия и ненависть... Ради народа мы сражались и вместе с ним и против него, и от нас народ справедливо ожидает казни, так как сам он не может этого совершить»³². Обращаясь к Оливеру Кромвелю, Эдуард Сексби писал: «Ведь пока вы живы, мы ничего не можем назвать своим и надеяться на наследство можем лишь после вашей смерти. Пусть это соображение ук-

³² Цит. по: Кудрявцев. 1925. С. 214.

репит ваш ум в борьбе со страхом смерти, и совесть ваша успокоится сознанием, что благо, которое вы создаете вашим концом, до некоторой степени уравновесит зло, сотворенное вашей жизнью, и, если в темном перечне злодеев найдется немного, которые принесли бы человечеству столько несчастья и смут, как вы, зато самые заклятые враги ваши должны признать, что немногие из них принесли столько пользы своим исчезновением, как это сделаете вы»³³.

Титулом Кромвеля в официальной пропаганде того времени было чисто культовое понятие «мудрый человек». В одном из памфлетов Джон Лильберн обыгрывает это понятие. Он пишет, что «нет в божьем мире такого народа и такой страны, что были бы доверчивее, и добрее, и участливее к тем, кому доверили мы власть, дабы освободить нас из тенет Гнета, к МУДРОМУ ЧЕЛОВЕКУ, коего одно имя упомянуть доставит, и подлинно мудрые люди впадают в безумие»³⁴. Что это – намек на психиатрический террор при Кромвеле? Не исключено. Разоблачил же Мольер элементы психиатрического террора при Людовике XIV в пьесе «Господин де Пурсоньяк», к сожалению, у нас мало кому известной.

Каких только упреков по адресу Лильберна не высказал М. А. Барг в своей книге «Народные низы в Английской буржуазной революции XVII в.»! В основе всех этих упреков – вульгарно-социологическая недооценка политической стороны исторического процесса, заведомое осуждение либеральной демократии (разумеется, не имеющей отношения к великодержавной партии Жириновского) и апология предшественников диктатуры пролетариата (в данном случае – диггеров и Уинстенли). Совершенно очевидно, что вся история Англии 1647–1649 гг. заставляет отвергнуть тезис Барга о «формально-юридическом характере мышления Лильберна», как и его тезис о том, что спор между левеллерами и кромвелианцами «шел из-за степени буржуазного демократизма, но и в том и в другом случае это должна была быть буржуазная демократия, игнорирующая материальные основания равенства и свободы»³⁵. Лильберн совершенно правильно отмечал, что военная диктатура кромвелианцев не имела отношения к демократии, представляя собой «новые цепи Англии». Впрочем, мне уже приходилось подробно полемизировать со взглядами М. А. Барга³⁶.

³³ Там же. С. 212.

³⁴ Цит. по: *Мортон*. 1970. С. 112.

³⁵ *Барг*. 1967. С. 131.

³⁶ См.: *Бауер*. 2008.

Анализируя памфлет «Левеллер» (1659 г.), Т. А. Павлова писала в 1974 г., что «мелкая буржуазия, предавшая интересы трудящихся еще в 1649 г., через десять лет поправила еще больше»³⁷. Между тем уже в 1980 г. она же писала о Кромвелле: «Он начинает отходить от народа еще в 1649 г., когда порывает с его знаменосцами – левеллерами»³⁸. Перед нами вопиющий пример двойного стандарта. Левеллеры одновременно предстают и предателями, и знаменосцами трудящихся масс. Любопытно, что и то, и другое провозглашается с позиций ортодоксального марксизма, согласно которому Кромвель выступал и как Робеспьер, и как Наполеон английской революции. Проводя эту параллель, Маркс и Энгельс не учли, что у французской революции были и другие герои. Именно Дантон, ставший в оппозицию к Робеспьеру, как революционный либерал, в страшный год якобинской диктатуры, напоминает Лильберна, противостоящего Кромвелю в роковом 1649 г.

Военную диктатуру Кромвеля можно квалифицировать как черновик военной диктатуры Наполеона. Кромвелевский режим после казни короля назывался «общим благом». Интересно, что по данным Гейссера и Живелегова робеспьеристский Комитет общественного спасения на самом деле назывался Комитет общего блага³⁹, тем самым утверждая прямую преемственность с режимом «новых цепей Англии», используя терминологию Джона Лильберна. Правда, имелась и существенная разница. Культ личности Наполеона имел огромный успех во французском народе. Попытки утверждения культа Кромвеля не имели в Англии никакого успеха. Режим протектората нанес колоссальный урон экономическому потенциалу Англии. Т. А. Павлова отмечает: «Яркую картину разрухи, царившей в стране в 1659 г., рисует автор памфлета «О, пробудись, Англия!» Раньше, пишет он, «наша шерсть шла к рабочим, наше сукно развозилось купцами во все концы мира»; теперь же «наша торговля и промышленность вообще прекратили свое существование...» Далее Т. А. Павлова пишет: «В “Ремонстрации лондонских учеников” (1659 г.) говорилось, что торговля и ремесло страны находятся в крайнем упадке – «прошедшие семь лет почти полностью пожрали те богатства, которыми владело Сити в течение семи предшествующих веков»⁴⁰.

В англо-американской исторической литературе уже отмечалось, что внешняя политика Кромвеля и прежде всего союз с Францией Мазарини под предлогом борьбы с врагом елизаветинских времен – Испани-

³⁷ Павлова. 1974. С. 76.

³⁸ Павлова. 1980. С. 343.

³⁹ См., напр.: Гейссер. 1870. С. 331.

⁴⁰ Павлова. 1974. С. 14.

ей – привели к резкому усилению Франции во времена, содействовали реализации ее претензий на роль европейского гегемона и главы общеевропейской католической реакции. Высказывалось предположение, что это было обусловлено подлинной ролью Кромвеля, являвшегося криптопапистом (тайным папистом), иначе говоря – агентом иезуитского ордена в деле осуществления его тайной мировой стратегии. От себя добавим, что и внутренняя политика Кромвеля давала повод для подобных предположений. Достаточно указать на закон 1649 г. о смертной казни за прелюбодеяние и на признаки организации психиатрического террора. Все это позволяет поставить вопрос о реставрации монархии Стюартов в совершенно ином ключе, чем это до сих пор делалось в советской исторической литературе, пытавшейся объяснять реставрацию предательской антинародной политикой буржуазии: «Для английской буржуазии революция была давно закончена и по пути ее дальнейшего углубления идти она не хотела. Другой путь приводил к реставрации монархии. Этот путь угрожал потерей политических привилегий, завоеванных в ходе революции, но давал надежду на сохранение завоеванных в ходе революции экономических позиций. Поэтому буржуазия считала, что с феодальным дворянством и монархией договориться можно. С точки зрения буржуазии второй путь был не только меньшим злом. Реставрация монархии сулила возможность справиться со всякими демократическими движениями, используя для этого государственный аппарат монархии»⁴¹. Между тем факты, приводимые в книге Т. А. Павловой «Вторая английская республика», не говоря уже о традиционной позиции представителей английской исторической науки, свидетельствуют о том, что возможно более позитивное отношение к факту реставрации Стюартов, о том, что спикер парламента имел определенные основания в приветственной речи, обращенной к Карлу II, назвать самую реставрацию «счастливой реставрацией». Известно, что в английской традиции это наименование событий 1660 г. закрепилось достаточно прочно. Дело в том, что широкие массы английского народа в 1659–1660 гг. были крайне разочарованы результатами первой английской революции. Т. А. Павлова отмечает, что за продолжение революции стояли только революционные сектанты, не имевшие серьезной поддержки. Зато требование «полного и свободного парламента», означавшее призыв к реставрации, становилось все более популярным.

Наша аргументация доказывает необходимость корректировки целого ряда установившихся представлений советских историков о собы-

⁴¹ Татаринова. 1958. С. 182.

тиях истории Англии XVII в. На первый план выдвигается демократическое движение левеллеров, которому следует отдать предпочтение в его споре с движением диггеров. Негативной оценки заслуживает деятельность Кромвеля в 1649–1658 гг., начиная с казни короля. От этой акции Кромвеля решительно отмежевался Джон Лильберн (от имени всех левеллеров). Следует восстановить в целом положительную оценку реставрации Стюартов в 1660 г. Необходим полный пересмотр отношения к Славной революции – великому событию мировой истории.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Английская буржуазная революция XVII века. Т. 2 / Под ред. Е. А. Каминского и Я. А. Левицкого. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. 384 с.
- Барз М. А.* Народные низы в Английской буржуазной революции XVII века. М.: «Наука», 1967. 352 с.
- Бацер М. И.* От Кальвина к Руссо. Историографические исследования. Изд-во ПетрГУ, 2008. 240 с.
- Брикнер А. Г.* История Петра Великого. М.: Изд. центр «Тerra», 1991. 741 с.
- Гейссер Л.* История французской революции 1789–1799. М.: Типография А. И. Мамонтова и К^о, 1870. 640 с.
- Гизо Ф.* История цивилизации в Европе. СПб.: Изд-во В. Д. Вольфсона, 1892. 263 с.
- Гизо Ф.* История английской революции. Т. 1 / Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1996. 478 с.
- Грин Д. Р.* Краткая история английского народа. Вып. 3. М.: Типография И. А. Баландина, 1900. 412 с.
- Кареев Н. И.* Две английские революции XVII века. Пг., 1924.
- Кудрявцев А. Е.* Великая английская революция. Л., 1925.
- Маколей Т. Б.* Полное собрание сочинений. Т. VIII. СПб.: М. О. Вольф, 1863. 523 с.
- Маколей Т. Б.* Полное собрание сочинений. Т. XIII. СПб.: М. О. Вольф, 1865. 378 с.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения М.: Госполитиздат, 1960. Т. 23. 907 с.
- Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Великого. М.: Международные отношения, 1991. 443 с.
- Мортон, А. Л.* От Мэлори до Элиота. М.: «Прогресс», 1970. 256 с.
- Новая история (первый период). Учебное пособие / Под ред. Е. Е. Юровской, М. А. Полтавского, Н. Е. Застенкера. М.: Изд-во «Высшая школа», 1972. 776 с.
- Павлова Т. А.* Вторая английская республика (1659–1660). М.: «Наука», 1974. 224 с.
- Павлова Т. А.* Кромвель. М.: «Молодая гвардия», 1980. 352 с.
- Татаринова К. Н.* Очерки по истории Англии 1640–1815 гг. М.: Изд-во ИМО, 1958. 456 с.
- Тревелян Д. М.* Социальная история Англии / Под ред. и с предисл. В. Ф. Семёнова. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. 607 с.
- Тьерри О.* Избранные сочинения. М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1937. 440 с.